

Содержание

Канун Рождества	
<i>Перевод Льва Каневского</i>	6
Канун Нового года, и как он наступил в Хаустоне	
<i>Перевод Льва Каневского</i>	21
Рождественский чулок Дика Свистуна	
<i>Перевод Елены Суриц</i>	35
Рождественский подарок	
<i>Перевод под редакцией Владимира Азова</i>	65
Елка с сюрпризом	
<i>Перевод Татьяны Озерской</i>	76
С праздником!	
<i>Перевод Владимира Азова</i>	100
День, который мы празднуем	
<i>Перевод Зиновия Львовского</i>	119
Постскрипумы	
<i>Перевод Анатолия Д Актиля</i>	131
Незаконченный святочный рассказ	
<i>Перевод Абея Старцева</i>	135
Дары волхвов	
<i>Перевод Зиновия Львовского</i>	144

КАНУН РОЖДЕСТВА

*Некоторые сценки и звуки, увиденные
и подслушанные на хаустонских улицах
и еще кое-где*

Перевод Льва Каневского¹

Хаустон — это типичный южный город, хотя он деловой, растущий город, который без особого напряжения занимает свое место среди полудюжины южных городов метрополии, он по-прежнему сохраняет все стародавние южные обычаи, привычки и традиции. Здесь не найдешь присущей северным городам

¹ Лев Дмитриевич Каневский (1939–2006) — писатель, переводчик с английского, французского и итальянского языков. (Здесь и далее примеч. ред.)

всепоглощающей спешки, перехватывающей дух суеты, беспокойной, постоянной гонки за наживой. Хаустонцы — народ состоятельный, процветающий, они все воспринимают с легкостью, полагая, что можно сорвать несколько роз удовольствий на дороге жизни, но тем не менее не отставать от прогресса. Ни в одном городе на юге Рождество не встречают с такой радостью, с такими приятными социальными достижениями, с таким широким обменом дружескими дарами и вообще с таким всепоглощающим весельем, как в Хаустоне. Громадные толпы людей, заполнившие тротуары наших улиц и магазины за последнюю неделю, — наглядное тому свидетельство.

Вчера, пожалуй, у торговцев был самый взбалмошный день, которого не было в течение всего сезона, и ни у кого нет никаких сомнений, что он не обманул самых восторженных ожиданий всех детишек.

Остановимся на несколько минут на углу улицы, понаблюдаем за прохожими.

Они непрерывно движутся, как муравьи у муравейника, одни уходят, другие приходят, вступая в этот запутанный бесконечный лабиринт и выходя из него. Когда боги глазят с края верхушки на Олимпе на мир под ними,

когда официант наполняет их бокалы приторным нектаром, их, должно быть, сильно забавляет та небольшая комедия, которая разыгрывается на подмостках земли. Наш мир, вероятно, кажется им большим муравейником, по которому мы, сталкиваясь в толчее, ползаем и разбегаемся по сторонам — туда-сюда — по-видимому, без всякой цели и без всякого плана.

Эта светлая полоска на небе, которую мы называем Млечным Путем, всего лишь разбрызганная пена из высоких кружек с нектаром, которые боги осушают большими глотками и посмеиваются над нашими странными ужимками. Но ведь сейчас канун Рождества, и какое нам дело до их смеха? Зажгите все огни, поднимите занавес, и вот перед нами — нарядная рождественская толпа!

* * *

Вы когда-нибудь наблюдали за тем, как молодая леди покупает рождественский подарок своему отцу? Если нет, то вы много потеряли.

В общем-то все они ведут себя одинаково. Фактически все молодые леди, покупающие подарки для отцов, осуществляют такую операцию совершенно одинаково, точно так,

как они читают роман, подогнув под себя одну ногу. У девушки всегда есть для этого два доллара, которые ей дала мать, она и подсказала идею. За день до Рождества молодая леди поздно днем выходит из дома. Прежде она направляется в ювелирный и там разглядывает на нескольких подносиках россыпи наручных часов, украшенных бриллиантами, и все прочие чудеса ювелирного искусства, которые ее папаше наверняка хотелось бы иметь. Потом, осмотрев около сотни перстней с бриллиантами, она вдруг вспоминает, сколько у нее в наличии денег, тяжело вздыхает, идет в магазин одежды, где внимательным взглядом изучает мужскую домашнюю куртку за восемнадцать долларов и пальто за сорок. Продавцу она говорит, что не будет спешить с покупками, еще подумает, и уходит. После этого девушка посещает книжный магазин, еще три магазина мужской одежды, два ювелирных и кондитерскую лавку. Когда на Рождество наступает утро, то ее отец обнаруживает, что он стал гордым владельцем новой красной суконки для очистки пера с тщательно закрашенной ценой — пятнадцать центов, пары перчаток в длинном картонном футляре и коробки вкусных шоколадных конфет.

Этот полный человек, который везет домой свою красную тележку, эту страну считает за границей. Этот обычно напыщенный человек гордится тем, что «сам себя сделал», и любит подчеркнуть свой демократизм, сам доставляя свои узлы домой. Он толкает тележку впереди себя и прокладывает себе путь через толпу с видом «гражданина, поднявшегося из низов», и это весьма забавно наблюдать.

А как девушки в своих плащах с поднятыми воротниками смеются, болтают и, глядя на витрины, не устают восклицать «Ах!» и «Ох!» по поводу всего, что там видят! Если вы окажетесь рядом с ними, то непременно услышите что-то вроде этого:

«Ох, Мэйбл, ты только посмотри на это чудное колечко... он сжал мою руку и сказал... настоящий котик! хотя я знаю, что это плюш, и, если папа даст мне еще пять долларов, я его куплю, повешу на окна — они, конечно, будут висеть гораздо дольше твоих, старая хитрюга... Боже праведный!.. Бель, позволь, я тут приколю у тебя... папа спросил его, где же взять яйца ему на завтрак, а Чарли вдруг разозлился и убежал рано, даже часы не пробили... нет, я ношу вот такие, объемом шестнадцать дюймов... ах, только

посмотрите на этот миленький мех — его забыли побрить, и он царапается... мы с тобой, Лил, поторгуемся... Том говорит... если пустить вокруг кружева, то... да, пошли, подруги, давайте...»

Шум проезжающего трамвая заглушает все остальное.

На улицы высыпали все детишки.

Вы никогда не задумывались над тем, что дети — самые мудрые философы в мире? Они замечают просто чудесные вещи, выставленные в витринах для продажи; они с самым серьезным видом выслушивают рассказы о Санта-Клаусе, даже не пытаюсь анализировать ситуацию, они радуются, радуются от души; они никогда не вычисляют высоту дымохода или длину саней Санта-Клауса; они никогда не озадачивают себя вопросом, как этот старик получает свои подарки из магазинов, они даже не обсуждают, как этому старику удастся совершить свой подвиг — спуститься по дымоходу в каждый дом страны, причем в одну и ту же ночь.

Если бы взрослые не пытались понять, проанализировать гораздо менее важные вещи, которые до сих пор остаются для них тайной, они могли бы быть куда более счастливыми.

На Мэйн-стрит в Хаустоне стоят двое, и один говорит другому:

— Знаете, мне нужна ваша помощь. На это Рождество мне хочется отплатить своей жене той же монетой, но я не знаю, как это лучше сделать. Последние пять лет она на Рождество дарит мне дорогие подарки, которые мне абсолютно не нужны, но весьма подходят ей самой. Она делает только вид, что покупает для меня, а на самом деле приобретает то, что ей нужно самой, и таким образом использует рождественские подарки в качестве прикрытия для своих истинных замыслов и личных интересов. Однажды она купила мне очень красивый шкаф, в котором, однако, развесила все свои платья. В другой раз она мне подарила китайский чайный набор, потом — фортепиано, а на прошлое Рождество купила мне женское седло, так что мне пришлось покупать для нее лошадь. Так вот на это Рождество я хочу, чтобы она купила подарок только для меня, такой, который могу использовать я и который будет ей абсолютно бесполезен.

— Гм... — произнес задумчиво другой. — Да, непростая задачка. Нужно подумать. Вы

хотите что-то такое, что она не сможет использовать. Есть идея! Закажите себе готовые брюки и подарите их ей!

— Нет, это не пойдет, — охладил пыл второго первый, покачав головой. — Она их натянет и через десять минут потребует купить ей велосипед.

— Ну, в таком случае, подарите ей бритву, ей она ни к чему.

— Неужели? Но у нее на ногах три мозоли!

— Ну вот! Выходит, нет ничего такого, что полезно для вас и не подходит ей.

— Что-то мне не верится. Но в любом случае пойдем, хоть что-нибудь да купим...

* * *

В витрине магазинов зажигаются яркие огни, и перед ними собирается все больше народа.

Для многих любование товарами, выставленными в витринах, является единственным рождественским удовольствием. Многие из провинции, из маленьких городков, расположенных на четырнадцати железнодорожных ветках, которые ведут к Хаустону. Какой-то сельский парнишка, раскрыв рот, с выпученными от удивления глазами, с трудом

пробирается сквозь толпу. За ним, крепко удерживая его за руку, тащится Арамита, в ярком цветастом деревенском наряде, смотрит через очки зачарованными глазами на все это сказочное великолепие на Мэйн-стрит. Когда они вернутся домой, в Гальвестон, то еще долго будут вспоминать чарующее величие большого города, который когда-то посетили на Рождество.

* * *

Человек с торжественным видом, в шелковом цилиндре, в черном красивом сюртуке, протискивается через толпу. Можно подумать, что это какой-то городской магнат, который идет домой, или священник, вышедший на улицу, чтобы изучить идиосинкразию человеческой природы. Вдруг он открывает рот и нараспев, визгливым голосом начинает зазывать покупателей: «Вы только подумайте, как удивится мамми, когда ее маленький Вилли придет домой с усами, точно такими, как у папы, — так что немедленно покупайте, торопитесь, ребята. Это чудесные усы, их можно крутить, сгибать, тащить в сторону и причесывать расческой, как настоящие. Ну-ка, навались, ребята!»

Он ловко цепляет к верхней губе под носом черные усы с чудесными завитками с обоих концов, иногда ему удается продать свой товар какому-нибудь мальчишке, который робко совершает свою рождественскую покупку.

На краю тротуара стоит какой-то неказистый невысокий человек, который предлагает «самую чудесную игрушку века, которая вызывает больше откликов и восторга, чем любой предмет, выставленный на Всемирной ярмарке». Толпа осаждает его, и все наперебой покупают так разрекламированный товар. Но никто и не предполагает, что всего в двадцати шагах от продавца в хаустонском магазине игрушек эта игрушка уже лежит на полке многие годы.

* * *

На углу улицы стоит группа, ну, скажем, молодых людей. На всех — новые, модные пиджаки с отложными воротничками, а в петлице — цветок хризантемы. Цилиндры у всех съехали на затылок и впереди у каждого низкая челка. Они разглядывают проходящих мимо девушек. Как был бы рад Чарлз Диккенс встрече с этими молодыми людьми! Но, увы, он умер, так и не завершив до конца своего естественного

отбора. Давайте прислушаемся к отрывкам того, что считается у них беседой, которые можно уловить в их гоготе:

«Чертовски хороша девица, но, кажется, слишком... сигарету?.. кажется, я тебе должен одну... да, очень красивая девица, но... какой красивый галстучек, лучший из всех... я бы заплатил за пансион, но... увидали мой элегантный костюм и вышибли меня в два счета из гостиной — у меня в кармане ни цента, а у этой девицы, конечно, деньги есть... старик говорит, что мне нужно работать... ты только посмотри на эту блондинку с... она мне улыбнулась, а теперь вон на ту маленькую с голубыми глазками... но старик дал мне по мозгам — я теперь с ним не разговариваю... нет, нет, вон там брюнетка в белом... я, по правде говоря, озверел и сказал: будь ты проклят... конечно, пуговицы в виде запонок...»

* * *

На углу сидит женщина в синих очках и крутит ручку шарманки, на которой стоит ламповое стекло, а внутри горит сальная свеча.

Почему свеча — наблюдателю то неизвестно. Рядом съезжился бледный маленький мальчик. Какой-то филантроп наклоняется к нему,

зажав между пальцами никель. Где-то далеко среди девственной природы в Олвине у него тоже есть мальчик приблизительно такого же возраста, сердце у него при виде этого малыша смягчилось. Вдруг малыш вскакивает на ноги. В зубах у него сигарета, и он внезапно бросает под ноги филантропу шутиху. Она взрывается, мальчик ревет от восторга, а филантроп бормочет: «Будь проклят ваш пацан!» — и сохраняет никель на пиво.

* * *

У витрины стоит женщина и взирает своими размытыми глазами на блестящие бриллианты и сверкающие золотые изделия. По ее черному платью можно догадаться, что она вдова. Все-го год назад она с уверенностью опиралась на сильную мужскую руку, с любовью, гордостью и радостью. Сегодня эта надежная рука под землей в могиле на церковном кладбище превращается в прах. И все же женщина не на краю отчаяния. Она предается приятным воспоминаниям о своем возлюбленном, который всегда поддерживал ее, и, кроме того... она держит за руку человека, за которого выйдет замуж, как только срок траура подойдет к концу. Она выбирает в витрине для себя обручальное колечко.

* * *

Полицейский маячит в тени навеса с дубинкой в руке, готовый нанести удар.

Через две двери от него живет Олдерман, член муниципалитета, который голосовал против его дальнейшего пребывания в полиции. Совсем скоро сынок Олдермана выйдет из дома на тротуар, чтобы поставить на Рождество свечку в храме, и вот тогда полицейский и нанесет свой удар: муниципальное постановление будет вынесено, а мальчик с разбитой головой унесен.

* * *

Человек подходит к продавцу в магазине модных дорогих товаров.

— Хотелось бы кое-что приобрести для моей тещи, — говорит он. — Думаю...

— Джеймс, — крикнул продавец, — покажи этому джентльмену отдел, где все продается по пять центов.

Торговцы, знающие своих покупателей в лицо, заранее знают, что тем нужно.

Человек, явно священнослужитель, входит в бакалейную лавку, которая находится рядом с салуном. Продавец готов его обслужить, он покупает на десять центов мясного

фарша для пирожков, после чего мнется, откашливается.

— Что-нибудь еще? — вежливо осведомляется продавец.

Церковник теревит свой батистовый галстук и говорит:

— Завтра ведь Рождество, вы знаете, день святочных мыслей, день мира на земле, и-и-и наши сердца должны возносить хвалу и исполнять рождественские гимны, однако нужно ведь обедать, ну а мясные пирожки, вы знаете, они нравятся в моей семье только маленьким, ну, фарш я взял, может, я думал, у вас найдется что-нибудь для приправы, для вкуса, ну, капелька-другая...

— Послушай, Джимми, — рявкнул продавец, — пойдй в салун рядом, следующая дверь, и принеси этому джентльмену бутылку виски.

* * *

Рождество дарит радость многим людям; оно освещает ярким светом жизнь тех, кто редко пользуется солнечным теплом; им, однако, многие злоупотребляют, превращая его в источник попойки и греха; но для самых маленьких оно всегда будет источником вечной радости, так что пусть гудят маленькие рожки

и выбивают дробь красные барабаны, ибо их беспокойные ножки, вместе с грязными маленькими ручками, первыми вступят в Царство Божие.

Счастливого Рождества всем!

1895